

— Мамочка! — Сюй Яньцин схватил госпожу Су за руку и принялся жаловаться с притворной лаской: — Ну пожалуйста,пусти меня, мам. Старший брат обязательно позаботится обо мне!

— Твой старший брат сам о себе толком позаботиться не может, не то что о тебе, — сухо ответила та. Старший сын унаследовал грубые привычки мужа — жил неопрятно, без системы. А вот младшего она растила с особой любовью и заботой. Как же он выдержит все тяготы долгой дороги?

Сюй Сянчжи, ставший невольным участником конфликта, даже не встав с места, горячо поддержал мать и решительно отказался брать младшего брата с собой в родное селение на поминовение предков:

— Отцовское родовое поместье — всего лишь захолустная деревушка. Её ни в какое сравнение не поставишь с твоим уютным двором Юньшуй. А Цин, будь умницей — ты просто не выдержишь той жизни.

Деревня семьи Сюй была самой что ни на есть сельской. Простые, честные люди, да вот только бедности в ней хватало. Младший брат с детства воспитывался в любви и неге, его берегли как зеницу ока — поездка туда станет для него сплошным мучением.

Увидев, что сын и дальше настаивает, Уань-хоу (маркиз Уань) позвал его к себе в кабинет. Хотя он был человеком военным, крупным, с суровой внешностью, за плечами у него был многолетний опыт командования армией, и потому в жизненных вопросах он тоже умел видеть суть.

— А Цин, скажи отцу прямо, ты настаиваешь на поездке с братом из столицы в родное селение на поминки предков, потому что хочешь от кого-то скрыться? — Его взгляд упал на живот сына, и в словах прозвучал намёк.

Сюй Яньцин и не собирался скрывать всё до конца. Более того, чтобы покинуть столицу, ему в любом случае нужно было родительское разрешение. Поэтому он кивнул:

— У второго отца этого ребёнка особый статус. Если он узнает, мы не сможем сохранить этого малыша. Почему ребёнка, которого я, молодой господин, вынашивал десять месяцев, должен отнять кто-то другой...

— Какой ещё «молодой господин»?! — взорвался маркиз Уань. — Раз уж у тебя хватило смелости наговорить такого, хватит ли смелости сказать, кто этот человек?!

— Хе-хе... — «солёная рыбина»* потёр уголок одежды, поднял голову и с сияющей улыбкой попытался отвести отца от дальнейших расспросов.

— Значит, ты хочешь уехать, затаиться и втайне родить ребёнка? — Взгляд маркиза стал сложным. — Уже само по себе шок, что мужчина может быть беременным... Но с чего ты, А Цин, так уверен, что та сторона отнимет у тебя ребёнка?

Сюй Яньцин, разумеется, и сам не знал точно — он ведь так и не дочитал тот роман. Более того, главным героем там был вовсе не даос Сюаньчэнь, и уж точно не росток в его животе. А как этот росток в итоге оказался в императорском дворце и стал наследным принцем Великого Ляна — Сюй Яньцин считал, что это баг, который и сам автор объяснить толком не смог.

— Может, у него проблемы со здоровьем, вот и сложно завести ребёнка! — Сюй Яньцин захлопал большими глазами, глядя предельно искренне. Ведь судя по возрасту даоса

Сюаньчэня, тому должно быть уже около тридцати, а в народе только и ходят слухи, что гарем у императора пустует, и ни детей, ни внуков у него нет.

— Чепуха! Если он умудрился сделать беременным мужчину, то уж никак нельзя сказать, что у него «проблемы с зачатием»... — Маркиз Уань давно копил обиду на человека, который обрюхатил его сына. И теперь, несмотря на то что только что сам же отругал сына за бестолковую болтовню, не сдержался и выругался в полный голос.

Сюй Яньцин с невозмутимым видом смотрел на отца, который распался всё сильнее, по-прежнему невинно улыбаясь. Пусть отец и обрушивал грубые слова на даоса, тот, несмотря на свою отрешённую внешность, действительно сделал его беременным — так что парой ругательств больше, парой меньше, особой разницы нет.

А тем временем в императорском дворце Инь Яньцзюнь, как обычно, проснулся рано. Даже находясь во дворце, он строго следовал распорядку и начинал день с утренних занятий. Закончив упорядочивать уже переписанные сутры, он внезапно замер и чихнул.

Вэнь Цзин встревожился:

— Ваше Величество простудились? Последнее время погода такая переменчивая — то жара, то прохлада...

Инь Яньцзюнь лишь махнул рукой. Выражение его лица оставалось ясным и бесстрастным, как всегда.

—

В поместье маркиза Уаня, после настойчивых уговоров Сюй Яньцина и поддержки отца, госпожа Су всё же нехотя сдалась. Однако она специально зашла в медицинскую лавку и попросила у доктора Ци лекарского ученика, чтобы тот присматривал за Сюем Яньцином в пути.

— Хотя мать не знает, о чём вы с отцом говорили, он всегда видит дальше и яснее, чем я. Раз уж он разрешил, я не стану тебя удерживать, — глаза госпожи Су покраснели, когда она взяла сына за руку. — Когда до срока останется немного, я сама приглашу доктора Ци в деревню Сюй — примет у тебя роды. А когда малыш чуть подрастёт, сразу возвращайся.

Сюй Яньцин с нежностью обнял мать за руку, прижимаясь к ней щекой с чуть заметной неохотой отпустить.

Глаза госпожи Су были полны ласки. Она подняла руку и мягко ущипнула его за щёку:

— Всё ещё любишь капризничать... Уверена, когда родится ребёнок, ты ещё и с ним будешь соревноваться за мамину любовь.

Сюй Яньцин рассмеялся:

— Зато мама меня любит. Вот и отдам росточек старшему брату, пусть сам возится.

Младший господин маркизата собирался в родное селение на поминки предков, времени было в обрез. Госпожа Су распорядилась слугами: служанки сновали туда-сюда, собирая багаж.

Раньше, когда Сюй Сянчжи ездил на поминки, он отправлялся один, налегке, на лошади —

взял немного денег, приехал, купил всё на месте. Но теперь он вез с собой драгоценного младшего господина — совсем другое дело.

Госпожа Су лично перебирала гардероб Сюя Яньцина, тайком прикидывая, сколько вещей хватит для такой поездки — месяца на полгода.

Обернувшись, она заметила в углу узелок. Подняв его, спросила у стоявшей рядом Му Юй:

— Это А Цин сам собирал вещи заранее?

Му Юй замялась:

— Нет, я сама собирала все его вещи. Этот узелок, должно быть, он принёс из двора Юньшуй.

При упоминании Юньшуйского двора госпожа Су нахмурилась. Она развернула узелок — внутри показалась ткань дымчато-серого цвета и пара жемчужных пуговиц с тонкой резьбой. Узор на них был какой-то странный... Но госпожа Су никогда не вмешивалась в личные дела сына. Хотя ей и стало немного тревожно, рыться в узелке она не стала.

Из-за спешки, вызванной сроками поминок, братья были вынуждены выехать раньше, чем госпожа Су могла бы в полной мере проявить свою материнскую заботу.

Тем не менее, процессия вышла весьма внушительной. Сюй Сянчжи, глядя на багаж, нагромождённый в нескольких повозках, невольно скривил рот:

— Мама, вы что, всю комнату А Цина вывезли?

— Что за чушь ты несёшь! — строго отрезала госпожа Су. — Я хотела было взять все одеяла, к которым он привык, но А Цин отказался. Так что, хорошенько отобрав, мы упаковали всего три повозки.

Три повозки — и это только то, что выбрали «по минимуму». Если бы госпожа Су действительно могла подготовиться как следует, не хватило бы и восьми, а то и десяти.

Увидев, что уже почти полдень, маркиз Уань повернул голову и увидел, как жена и младший сын всё ещё не могут расстаться. Не удержавшись, он вмешался, решив сыграть роль злодея:

— Хватит уже! Если ещё потянете время, никуда вообще не поедете.

Госпожа Су ласково похлопала младшего сына по слегка исхудавшей спине:

— Не забудь потом писать мне письма.

— Обязательно, матушка. Берегите себя. Ваш сын скоро вернётся, — ответил Сюй Яньцин. Он впервые в жизни познал материнскую заботу со стороны госпожи Су — и уже чувствовал себя совершенно счастливым. В конце концов, под неустанные уговоры Сюй Сянчжи он всё же забрался в карету.

Сюй Сянчжи ехал рядом верхом. Возница негромко щёлкнул кнутом, подал короткую команду, и кони медленно тронулись с места.

Скоро они покинули пределы столицы. Сюй Яньцин приподнял шторку и выглянул наружу — городские ворота уже скрылись из виду.

— Старший брат, ты не устал? Хочешь отдохнуть в карете? — спросил он, глядя на брата, ехавшего верхом. Сюй Сянчжи был крепким и сильным, сидел в седле прямо, с достоинством — с виду словно герой с картин. А вот сам Сюй Яньцин, привыкший лежать как солёная рыба*, устал даже от одного вида такой выправки.

Сюй Сянчжи бросил взгляд на тесную карету, цокнул с неудовольствием:

— Сиди в карете сам. Твоему брату такая «роскошь» ни к чему, — он всё ещё предпочитал привычную езду верхом.

Слушая разговор двух братьев из маркизата Уань, сопровождавший их «лекарский ученик» не удержался и рассмеялся:

— Молодой господин и наследник маркиза действительно очень близки.

— Мама говорила, что попросит у доктора Ци лекарского ученика, но как сюда попал молодой господин Ци? — Сюй Яньцин искренне удивился, ведь в день отъезда доктор Ци действительно неспешно прибыл — но привёл с собой именно Ци Чэня.

Ци Чэнь уставился на живот Сюя Яньцина:

— Отец сказал, что молодой господин беременен. Я с детства помогал матери принимать роды, но чтобы мужчина был в положении — с таким сталкиваюсь впервые, — в его словах сквозило нескрываемое любопытство. Видно было, что ребёнок в животе Сюя Яньцина интересовал его не на шутку.

Сюй Яньцин и сам до сих пор не до конца понимал, что происходит, и потому не обиделся на прямой, почти медицинский взгляд Ци Чэня. В конце концов, врачи часто с особым интересом относятся ко всяким необычным случаям. В прежней жизни он помнил, как исследователи целыми днями возились с белыми мышами!

Карета неспешно покачивалась, пока ближе к вечеру они не добрались до постоянного двора. К этому моменту Сюй Яньцин чувствовал себя просто ужасно — его всё ещё сильно тошнило. К укачиванию прибавился токсикоз, и он буквально рухнул от изнеможения.

— Молодой господин, сейчас у вас особенное состояние, лекарства принимать нельзя, — Ци Чэнь сидел у постели и массировал определённые точки на теле вялого, почти обмякшего юноши, стараясь облегчить приступы тошноты. — Пока помассирую вам точки. Если завтра не полегчает — попробуем иглоукалывание.

По сравнению с тем, как его только что трясло, теперь «солёная рыбина», лежащая в постели, чувствовала себя куда лучше. Он отпустил Сюй Сянчжи и Му Юй отдыхать, оставив при себе только Ци Чэня.

Ци Чэнь устроился на табурете, продолжая аккуратно массировать точки, и бросил взгляд на побледневшего юного господина:

— Вы оставили меня... Хотите что-то спросить?

— Вообще-то... я нашёл способ облегчить токсикоз, но этот метод немного... не совсем приличный, потому и молчал до сих пор, — «солёная рыбина» старательно подбирала слова. — Просто меня это очень удивляет, и я решил спросить молодого господина Ци.

Ци Чэнь выслушал молча, проявляя себя как идеальный слушатель.

Сюй Яньцин приподнялся на подушках:

— Скажи... может ли какой-то особый запах облегчить или даже снять симптомы токсикоза и другие неудобства, вызванные беременностью у мужчины?

— В этом огромном мире всякое бывает. Сам факт вашей беременности уже можно назвать чудом, — Ци Чэнь на миг задумался. — Вообще, говорить, что именно запахи могут облегчить состояние беременной женщины — не совсем точно. В большинстве случаев всё зависит от того, вызывает ли запах приятные физические и душевные ощущения. Если вызывает, то может действительно помочь. Только вот... о каком запахе говорит молодой господин?

Сюй Яньцин и сам это понимал. Некоторые, например, после мятных леденцов или цитрусовых чувствуют себя лучше при укачивании. Но у него было ощущение, что дело не просто в запахе...

— Я заметил, что аромат отца ребёнка сильно снимает симптомы токсикоза.

* «Солёная рыба» — ироничное прозвище главного героя, означающее его ленивый и пассивный характер.

<http://bllate.org/book/12638/1120929>